

Лидия Забелина

Июль, когда город перестал дышать

роман

Лидия Забелина

**Июль, когда город
перестал дышать**

«Автор»

2026

Забелина Л.

Июль, когда город перестал дышать / Л. Забелина — «Автор»,
2026

Жарким летом в большом городе случайная авария сводит вместе Асю — студентку архитектурного факультета, уставшую спасать всех вокруг, — и Мишу, человека, который привык чинить чужие поломки, забывая о себе. Среди раскаленных улиц, ливней, тревог и личных потерь между ними рождается чувство, способное изменить их обоих. Это история о любви, которая приходит не вовремя, но остается тогда, когда особенно нужна.

© Забелина Л., 2026

© Автор, 2026

Лидия Забелина

Июль, когда город перестал дышать

1. Город, который трещал от жары
В то лето асфальт в городе плавился так, будто кто-то снизу медленно и упрямо поджигал землю.
Автобусы шли с открытыми дверями, продавщицы в киосках обмахивались газетами, кошки лежали в тени машин, как выброшенные перчатки, а люди разговаривали тише обычного — не из вежливости, а потому что на громкие слова не хватало воздуха.
В полдень на площади у Института гражданского проектирования лопнула старая труба.
Сначала никто не понял, что произошло. Просто посреди раскаленного камня вдруг поднялся гул, потом — треск, и из земли, как из разорванной артерии, ударила вода.
Фонтаном — нет, яростнее фонтана. Вода взлетела на два этажа, сорвала афишу с театральной тумбы, смыла тележку с мороженым и бросила в толпу тысячи холодных, тяжелых брызг. Люди закричали, побежали, кто-то начал снимать на телефон, кто-то, наоборот, прятаться под козырек.
Ася Морозова стояла посреди площади с ватманами для курсового проекта и не успела сделать вообще ничего.
Вода ударила в нее так сильно, что она потеряла равновесие. Белые листы вырвались из рук и разлетелись над площадью, как стая перепуганных птиц. — Да нет же! Нет-нет-нет! — крикнула она, бросаясь за ними.
Один ватман прилип к мокрой урне, второй унесло под колеса маршрутки, третий повис на ветке липы, а четвертый — самый важный, с ночными расчетами, с чертежом, без которого ее бы просто не допустили к защите, — прилепился к заднему стеклу оранжевого аварийного грузовика.
Грузовик медленно тронулся.
Ася, не думая, побежала за ним по залитой водой площади.
Она была вся мокрая, в прилипшей к коленям юбке, с расплзшейся тушью и

дикой злостью в глазах. Она догнала машину уже на повороте, вцепилась в

ручку двери и закричала:

— Стойте! Стойте, пожалуйста!

1

Грузовик дернулся, остановился. Из кабины высунулся мужчина.

Он был старше ее, лет на десять, может, больше. Темноволосый, небритый, в выгоревшей рабочей футболке. На лбу у него осталась светлая полоска от каски, а на левом предплечье — свежая царапина, затянутая пылью. Он сначала посмотрел на нее с тем выражением, с каким смотрят на человека, который решил посреди катастрофы устроить еще одну катастрофу, а потом перевел взгляд на прилипший к стеклу лист.

— Это ваше? — спросил он.

— Мое, — выдохнула Ася. — И если вы сейчас уедете, я вас возненавижу до конца жизни.

Он снял лист, осторожно, двумя пальцами, будто это было что-то живое, а не размокший ватман.

— Сильное начало знакомства, — сказал он.

— Мы не знакомимся.

— Уже жаль.

Он открыл дверь и протянул ей руку, чтобы помочь забраться на подножку. Она секунду поколебалась — не от скромности, а потому что никогда в жизни не брала руку у незнакомых мужчин так, словно это было самым естественным действием на свете.

Рука у него оказалась теплой, сильной и совершенно спокойной.

Именно это спокойствие она потом будет вспоминать чаще всего.

Не глаза.

Не голос.

Не даже то, как он улыбнулся, увидев ее разъяренное, мокрое лицо.

А то, что вокруг них редела вода, орали люди, кто-то уже звонил в аварийную службу, небо плавилось от жары, а у него в ладони было такое ощущение, будто мир не рушится, а просто на минуту сильно устал.

— Михаил, — сказал он. — Но все зовут меня Миша.

Ася прижала к груди мокрый чертеж.

— Ася.

2

— Очень приятно, Ася, которая готова броситься под грузовик ради ватмана.

— Это не ватман, это моя стипендия, допуск к сессии и остатки нервной

системы.

Он чуть кивнул, будто понял больше, чем она сказала.

— Тогда садитесь. Подвезу вас до института.

— Я мокрая.

— Я работаю в аварийке. Вы, поверьте, не самое страшное, что сегодня было в

этой машине.

И она села.

Так началась история, из-за которой потом двум взрослым, уставшим людям придется заново учиться верить в вещи, над которыми обычно смеются.

2. Ася Морозова и список ее бед

Если бы Асю попросили коротко описать свою жизнь тем летом, она бы

сказала: девятнадцать лет, третий курс, архитектурный факультет, общага, мать в

другом городе, отец — в долгах, бессонница, три подработки и слишком мало

сил на то, чтобы быть счастливой.

Она училась в институте не потому, что с детства мечтала проектировать

пространства. С детства она мечтала только об одном — чтобы дома было

спокойно.

Но дома никогда не было спокойно.

Отец открывал маленькие дела, прогорал, брал новые кредиты, врал, что вот-вот

все наладится, а потом исчезал на неделю и возвращался с виноватой улыбкой и

пакетами дешевых фруктов. Мать сначала кричала, потом плакала, потом

собрала вещи и уехала к сестре в Тверь, пообещав «разобраться с собой». Это

«разобраться» растянулось на два года.

Ася поступила в институт в другом городе, поселилась в общежитии, устроилась

по вечерам чертить планы для маленького бюро, по выходным раздавала

листовки у торгового центра и каждый месяц отправляла отцу немного денег,

хотя ненавидела себя за это.

Потому что если не отправляла — он звонил.

3

Голос у него делался тихий, почти детский:

— Ась, ну выручи. Чуть-чуть. Последний раз.

Последний разов было слишком много.

К июлю у Аси появились синяки под глазами, привычка пить растворимый кофе без сахара и странное ощущение, что жизнь — это длинный коридор с мигающей лампой, где ты постоянно кому-то должен.

Она никогда не жаловалась.

Даже подруге Рите — только иронизировала.

— Я в порядке, — говорила она. — Просто если меня уронить, я разобьюсь на дедайны.

В тот день после аварии на площади она вернулась в общагу с кое-как

спасенными
чертежами,
переделась
и
попыталась
забыть
мужчину
из

оранжевого грузовика.

Это не получилось.

Почему — она объяснить не могла.

Не то чтобы он был слишком красив. Не то чтобы сказал что-то особенное. Не то чтобы между ними случилась молния, музыка, судьба и прочая ерунда, в которую Ася не верила.

Но в памяти застряло, как он посмотрел на ее размокший лист — без насмешки, без раздражения, без привычного человеческого «сама виновата».

Словно ее отчаяние было не глупым, а настоящим.

Это редкость, когда кто-то не уменьшает твою беду до размеров шутки.

Через три дня она увидела его снова.

3. Миша, который чинил то, что уже не должно было работать

Он стоял на старом трамвайном кольце у реки, под контактной сетью, и ругался с водителем.

Точнее, водитель ругался, а он слушал.

4

Ася ехала с работы после четырехчасовой смены в копицентре. Вечер был таким

жарким, что даже река казалась густой. Над водой висела красная пыль заката.

Люди в трамвае пахли потом, аптечными мазями и усталостью.

На повороте трамвай встал.

Сначала пассажиры вздохнули, потом начали шуметь.

— Ну конечно.

— Я опоздаю.

— Да у вас вечно все ломается.

— Это город, а не металлолом!

Ася выглянула в окно и увидела Мишу. Он стоял возле передней тележки

трамвая, присев на одно колено, с гаечным ключом в руках. У него был тот же

спокойный вид, какой бывает у людей, привыкших к чужой панике.

Она сама не поняла, зачем вышла.

— Вы опять? — спросила она, остановившись рядом.

Он поднял голову. Узнал не сразу, а потом усмехнулся.

— А, девушка с чертежом, который стоил ей жизни.

— Он стоил мне трое суток сна.

— Это, по-моему, дороже.

Она посмотрела на трамвай.

— Что случилось?

— Город старый, рельсы старые, провода старые, люди злые. Обычный вторник.

— А вы всегда чините все, что разваливается?

Он вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Только то, за что платят. На остальное не хватает зарплаты.

Его звали Михаил Ветров. Тридцать один. Электромеханик в муниципальной

аварийной службе. Он ремонтировал светофоры, трамвайные линии, насосы,

лифты в старых домах — словом, все то, о чем люди вспоминают только в

момент

поломки. Он

жил

на другом

берегу,

в

районе с облупленными

пятиэтажками и запахом липы по вечерам. У него была младшая сестра Полина,

семнадцати лет, которую он поднимал почти один после смерти матери. Был

старый долг за операцию матери, которую так и не спасли, была ипотека за

5

крошечную квартиру, был отец, пропавший когда-то так давно, что Миша уже не знал, ненавидеть его или нет.

И еще у него была одна вещь, о которой он говорил редко: два года назад на подстанции случилась авария. Миша вытащил напарника, но сам получил тяжелую контузию. С тех пор одно ухо слышало хуже, и иногда резкие звуки ввинчивались ему в голову такой болью, что темнело в глазах. Работу он не бросил только потому, что не умел жить без ощущения пользы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.